

Несмотря на беспокойство Лун Сяююаня, несмотря на то что его интуиция кричала о странности происшествия, итог расследования Лю Сяньяна исключал подлог. Это было совпадение, неприятное, но самое обычное. Евнух несколько раз перепроверил данные, допросил всех причастных, результат остался тем же.

В конце концов, Лун Сяююань пришел к выводу, что перемудрил с этим вопросом.

Закончив с просмотром бумаг, император здраво рассудил, что Ши Цинчжоу не может освободиться так быстро, поэтому особенно не спешил возвращаться во дворец Куньнин. Медленно, вдумчиво наслаждаясь свежесваренным чаем, правитель мысленно рассуждал о некоторых контрмерах, что помогут обезопасить дворец императрицы. После чего раздал указания тeneвым стражам.

Так уж вышло, что днем дворец охраняют в основном гвардейцы. За входом и дворцом в целом наблюдают только они, а не тeneвые стражи. Солдаты — люди не самого высокого сословия, поэтому не могут в открытую перечить той же наложнице Шань или кому другому. А вот тeneвые стражи представляют волю самого императора, их статус в некотором роде абсолютен. Они вправе остановить любого.

Поэтому Лун Сяююань назначил двух тeneвых охранников для дворца. Они будут сменяться каждые двенадцать часов, чтобы в палатах императрицы больше не возникло «пустых окон».

Закончив с распоряжениями, Лун Сяююань вернулся во дворец Куньнин. Как он и подозревал, Ши Цинчжоу еще не вернулся с допроса. Зато прибыли служанки и евнухи, что уходили с императрицей. Сяююань расспросил о странности и их, но не получил новых, способных натолкнуть на мысль, ответов.

Лю Сяньян сказал то же самое. Евнух убеждал монарха в нормальности подобных ситуаций, но чем больше Лун Сяююань об этом слышал, тем страннее казалось ему происшествие. Или такова природа всем правителей — быть мнительным и подозрительным? Быть может, он так вжился в образ, что, даже придя из другой эпохи, перенял некоторые особенности детей феникса?

Так ничего и не узнав, монарх тяжело вздохнул. Того с кем он мог посоветоваться все еще не было на месте, поэтому мужчина решил поспать, а когда проснулся, лицо возлюбленного появилось перед глазами.

— Ваше Величество устал? — взглянув на отдыхающего супруга, любопытствовала императрица.

Лун Сяююань качнул головой:

— Нет, просто, когда тебя нет рядом, мне не с кем поговорить, и становится скучно. Кстати, как все прошло?

— Первые результаты относительно недурны, — улыбнулся молодой человек. — Но талантливого человека так просто раскусить. Я лишь отчасти получил то, чего хотел.

— О? — удивился Сяююань. Ни дня не проходит без того, чтобы он не восхитился своим супругом. — Насколько же велика твоя внутренняя сила, раз он тебе подчинился?

Ши Цинчжоу загадочно улыбнулся:

— С умным человеком куда проще вести беседу, но у тебя должно хватить сил для того, чтобы на него воздействовать, иначе разговор даст обратный эффект.

Лун Сяюань ненадолго задумался, после чего лениво махнул рукой:

— Мой Цинчжоу самый умный в мире человек, так что нет необходимости беспокоиться о каком-то там обратном эффекте.

Генеральский сын ухмыльнулся, пристально разглядывая монарха:

— Ваше Величество настолько во мне уверен?

— Конечно! — решительно кивнул мужчина. — Если я не могу доверять своей семье, то кому тогда вообще могу испытывать доверие?

Эти лиричные комплименты из уст Сяюаня, естественно, немного преувеличены, но эффект от них по-прежнему неплох. Ши Цинчжоу любит слушать похвалу возлюбленного. А когда доволен он — доволен и Сяюань.

Через два дня к императорскому дворцу прибыл вызванный наместник Ху Цинъюань. Со стороны, можно сказать, что чиновник покинул свой уезд из-за срочного приказа императора о переводе в столицу. На деле же мужчина сорвался с насиженного места только потому, что бумага Его Величества сопровождалась секретным сообщением от Ее Светлости. Только с благоволения Ши Цинчжоу Ху Цинъюань прибыл в столицу добровольно.

Люди империи прекрасно знали, что за человек нынешний император. Конечно же, предшественник Сяюаня. А министры знали о его безрассудном и жестоком характере еще лучше. Ху Цинъюань не исключение.

Если бы ни фривольность настоящего Лун Сяюаня, если бы не остракизм его министров и собственный, упрямый характер, что ни под каким предлогом не позволял отступаться от принципов, как мог Ху Цинъюань увязнуть в том, что происходит во дворце? И это с отличным результатом на государственном то экзамене?

Да, Ху Цинъюань быстро охладел к дворцовым правилам Лун Сяюаня, поэтому довольно просто принял предложение императрицы о сотрудничестве. Поклонившись Ши Цинчжоу, чиновник был наслышан о прошлых отношениях правящей четы...

Ху Цинъюань не считался дураком, поэтому заблаговременно готовился к худшему, а именно к перевороту. И даже отчасти мечтал стать подданным сильного и верного своей стране воина. Верил, что недалек тот день, когда он станет доверенным лицом при новом правителе империи.

Готовился он и к худшему, а именно к раскрытию заговора и казни. Сия участь не пугала мужчину. В моменты подобных рассуждений он радовался, что у него нет большого клана, а за плечами простая семья. Мать давно отправилась на тот свет, из близких остались жена да единственный сын.

Случись переворот или разоблачение, он все равно собирался отправить их в далекую страну, где бы они сменили фамилию и прожили жизни инкогнито. Ху Цинъюань рассматривал все варианты перемен в чиновничьем аппарате.

В нынешнее время до маленького министра дошли слухи о кардинальной перемене в отношении императора ко двору и к императрице в частности. Правитель проявил неслыханную благосклонность к семье Ши. Кроме того, нарушил правила собственного двора и позволил императрице отправиться на войну в качестве генерала!

Дошедшие в то время до уезда Хуншань новости встревожили чиновника. Внезапная благосклонность казалась подозрительной, словно монарх пытается усыпить бдительность жертвы, чтобы впоследствии безжалостно на ту напасть. Ху Цинъюань чудом удержался от написания послания своему новому господину, рассудив, что генеральский сын неглуп и может сам разобраться в ситуации.

Когда императрица отправилась к границе, чиновник готовился к тому, что армия Ши достигнет цели, а после пойдет на столицу с восстанием, но этого не случилось. Более того, император признал подвиги супруга и позволил вернуться во дворец, как ни в чем небывало!

И сейчас, глядя на гармоничные отношения меж мужчинами, Ху Цинъюань не мог не задуматься, могли два этих одаренных милостью богов человека поладить и сойтись как истинные возлюбленные? Возможно ли это?

Настроение чиновника менялось, словно направления порывов ветра в осеннюю ураганную ночь, но внешне он оставался спокоен и собран.

Лун Сяюань принял Ху Цинъюаня в императорском кабинете. На встрече, конечно же, присутствовал и Ши Цинчжоу. Чиновник из маленького уезда не мог не бросать на правителей краткие взгляды, отмечая, что взаимоотношения супругов поистине хороши.

К примеру, Ши Цинчжоу, видя, что у Его Величества заканчиваются чернила, не ленился натереть еще. Или подливал ему чай, как только чаша пустела.

А сам император не стеснялся предложить супругу стул и даже лично его пододвигал! На столе не стояло чаши для генеральского сына, но монарх, видя, что супруг хочет пить, ловко передавал тому свой бокал, а воин, ни капли не смущаясь, тот принимал.

Все это говорит о том, что правители близки, очень близки. И пока не ясно, хорошо ли это. Ху Цинъюань не решался подводить какие-либо итоги.

После многих часов напряженных переговоров с монаршей четой, уставший и разбитый чиновник был отправлен в покои. А Лун Сяюань провожал его спину полным улыбкой взглядом:

— Цинчжоу, дух и разум этого человека велики, как он мог подвергнуться гонениям со стороны коллег?

— Дело не в том, что он не умеет красиво говорить, скорее наоборот. Он не может поступиться собственными принципами, за что и был неформально осужден и изгнан.

— Например? — не понял правитель. Он полдня смотрел на подчиненного и не заметил в его речах или поведении оскорбительных странностей. Конечно, при Его Величестве он мог сдерживаться, но Лун Сяюань не нашел в его поведении фальши. Конечно, он был шокирован срочным переводом, но, видимо, быстро оправился и выглядел спокойным.

Лун Сяюаню, наоборот, понравилась собранность нового лица во дворце. Ху Цинъюань вел себя как подобает, верно и решительно отвечал на многие вопросы, выражал свое мнение.

Император не заметил в его речах и размышлениях ошибок.

— Ты император, — с улыбкой ответил Ши Цинчжоу, — конечно, ты не замечаешь проблем в этикете и прочих правилах поведения. Но представь, что у твоего господина праздник в честь дня рождения, на который ты не хочешь идти, а тебя заставляют, так еще и требуют разориться на подарок, который тебе не по карману?

— А? — изогнул бровь Сяююань.

Улыбка императрицы становилась все более меланхоличной:

— Или вот еще. Представь, что твой господин и обычный житель империи одновременно оказались в опасности, к примеру, из-за взбесившейся лошади, а у тебя есть силы и время спасти только одного из них. Кого бы ты бросился защищать, и осудили бы тебя за это? Господина? Чьи братья потом не оставят тебя в покое? Или обычного человека, который ничем не сможет тебе отплатить, и которого по закону ты должен защищать от произвола?

— Ну... — растерявшись, Сяююань почесал кончик носа.

Взгляд императрицы устремился куда-то вдаль:

— А вот еще ситуация. Представь, что ты договорился со своими сослуживцами пообедать или поужинать за выпивкой. Среди них и твой господин. Он предлагает встретиться в борделе, а у тебя жена и дети. Ты бы ушел или остался. Испугался распространения слухов и неудовольствия коллег?

Лун Сяююань вдруг усмехнулся, представляя себе эту картину.

— И последнее. Представь, что твои коллеги подворовывают. Берут не чрезмерно, дабы не вызвать подозрений, но имею прибыль, которая нет да и влияет на выполнение того или иного указа. Ты решаешь не участвовать в аванюре, ссылаясь на то, что эти деньги должны помочь беднякам. Кто после такого будет с тобой знаться?

Лун Сяююань не знал, что ответить.

Пальцы Ши Цинчжоу аккуратно коснулись ладони супруга:

— Представь, что ты не император, а обычный, желающий процветания своей стране чиновник, что не может изменить старый уклад. Тебе бы понравились все эти тайные хитросплетения среди своих?

Лун Сяююань с горькой улыбкой посмотрел на возлюбленного:

— И то верно, только чистый помыслами император может оценить такого человека, только господин, что одержим теми же идеями, заметит рьяный настрой такого старательного подчиненного и позволит ему подняться по карьерной лестнице. А я ведь не так давно и сам был этим слепым императором...

Характер улыбки Ши Цинчжоу немного изменился и он уклончиво добавил:

— В сравнении с прошлым, ты в самом деле изменился...

Монарх глубоко и шумного вздохнул.

— Ваше Величество, могу ли я узнать причину, по которой ты вдруг переменялся? — очень осторожно озвучил вопрос молодой человек.

— Цинчжоу, веришь ли ты в сны просяной каши? — Лун Сяююань знал, что рано или поздно придет время этого разговора. Он не боялся, что его разоблачат, как поддельного императора, ведь тело осталось прежним, да и он получил воспоминания своего предшественника, а также отчасти запомнил содержание книги.

(п/п: Заранее прошу прощения за длинное объяснение, но без него никак. Хуанлянь имэн — сон просяной каши. Крылатое выражение, что пошло из притчи: Однажды, Лу Шэн, бедный ученый, уснул в гостинице в Ханьдане, пока для него варили просяную кашу. И ему приснилось, будто бы он попал в чудесную страну, где женился, обзавелся детьми, сделал блистательную карьеру и умер в возрасте восьмидесяти лет счастливым, а когда проснулся, понял, что кашу, оказывается, еще не доварили.)

Однако правда такова, что человек переменялся. Разница меж поведением предшественника и его собственным чрезмерно велика. Поэтому Лун Сяююань знал, что вопрос будет поднят. Особенно с Ши Цинчжоу, ведь они уже пообещали друг другу провести вместе жизнь и делились всем. Если остальные, памятуя о репутации тирана, побоятся поднимать тему, то Ши Цинчжоу другой. Он самый близкий Лун Сяююаню человек.

Нередко размышляя в этом ключе, император давно подготовился к сему разговору. Придумал, что ответить и как вывернуть правду. Однако если говорить о содержании предстоящей беседы, у Лун Сяююаня не так-то много информации: прошла жизнь да прочитанный роман. Тем более что прошлая жизнь туманна и бесполезна. Лун Сяююань не хочет о ней рассказывать, а о романе не собирается упоминать, потому что не хочет обижать Ши Цинчжоу. Он собирается допускать разлада или давать повода для недоверия.

Кроме того, какого это будет сказать любимому человеку, что все травмы и обиды, нанесенные изначальным хозяином тела, были допущены зря? Что все его терпение и труд приложены напрасно? А ведь так и будет, если Сяююань расскажет о переселении души.

Нет, он этого не сделает! Мужчина и сам предпочитает верить, что Лун Сяююань из романа был его второй сущностью с неполной душой. Отсюда и выливалась вся его жестокость и самодурство, а когда душа слилась, проявилась истинная сущность. Он смог влюбиться в Ши Цинчжоу. И он был его с самого начала! Это только его императрица! Никаких других любовников у генеральского сына быть не может! И не было!

— Сны о просяной каше? — замер молодой человек, не ожидав такого ответа.

— Да, — ласково улыбнулся монарх, не отводя взгляда от лица возлюбленного. — Думаю, пришла тебе пора узнать, почему я так изменился.

Цинчжоу сперва кивнул, а после мотнул головой:

— Если честно, я немного запутался.

— Не говоря о тебе, я думаю, многие люди сейчас в недоумении, — горько улыбнулся правитель.

Ши Цинчжоу ничего не сказал, а Лун Сяююань протянул руку и ласково коснулся его щеки, радуясь, что милый сердцу человек позволяет свершиться этой маленькой интимной близости.

— Однажды ночью, когда я был в покоях один, мне приснился необычный сон, — начал заготовленный рассказ император.

— О чем?.. — сразу же спросил генеральский сын.

— Мне снилось, что из-за своей жестокости я потерял благосклонность и сердца многих людей. Во сне я сблизился с подхалимами и отдалился от мудрых чиновников. Там же я казнил твоего отца, потому что мне показалось, что он восстал, хотя это было не так. По увещанию недобросовестных министров я лишил его военной мощи и очень жестоко расправился с семьей Ши.

Зрачки Ши Цинчжоу сжались до размеров игольного ушка, а руки начали подрагивать. Лун Сяююань не стал его успокаивать, лишь не отводил взгляд, собираясь продолжить рассказ:

— Мне приснилось, что по моей вине ты оказался в безвыходной ситуации и был вынужден восстать.

Ши Цинчжоу лишился дара речи.

— Во сне ты убил меня и взойшел на трон, как новый император. Ты разобрался со сборищем некомпетентных людей, и стал куда лучшим правителем, нежели я. Только будь то корона, появление императрицы и наложниц, я никогда не видел, чтобы ты снова улыбался. Во сне, умерев, я стал призраком. Ни ад, ни рай меня не приняли, и я повсюду следовал за тобой. Ничего не делал, просто находился рядом, наблюдал за твоей жизнью. И ни разу за все это время не увидел твоей улыбки.

Так все и было. Автор романа упоминал, что даже взойдя на престол, обзаведясь императрицей, тремя наложницами и сыновьями, Ши Цинчжоу ни разу не улыбнулся, по крайней мере, искреннее. И единственным его импульсивным поступком стал запрет на мужеложство. Он запретил даже упоминать о «домашних животных» мужского пола.

Роман написан с точки зрения императрицы Ши Цинчжоу. Мучимый изначально императором, тайно наращивая силу, он все еще оставался при живой семье, поэтому боролся и улыбался, хоть и в редких случаях. Улыбался, когда виделся с отцом и вспоминал о матери. А после уже вряд ли что-то могло поколебать настроение новоявленного императора.

Ни женщины... хотя, в этом случае все более или менее объяснимо. Каждая из жен Цинчжоу происходила из знатного рода и скорее занималась развитием собственной карьеры, нежели по-настоящему влюблялась в генеральского сына. Молодой император попросту не мог испытать с ними глубокой эмоциональной связи.

Если Лун Сяююаню не изменяет память, то в романе есть описывающая этот момент строчка: «Та нежная, элегантная, великолепная императрица превратилась в императора с железной костью, не имевшего ни слез, ни смеха, ни боли, ни любви. Но именно такой он привлекал немыслимое количество женщин, которые слетались к нему, словно мотыльки на пламя. И каждая из них хотела покорить этого грозного мужчину».

Да и сам Цинчжоу брал их в жены ради стабильности новой династии. В том не было настоящей любви. Молодой правитель видел слишком много опасных наложниц, поэтому всегда их опасался. Более того, когда-то он сам управлял гаремом, так как был императрицей...

Лун Сяююань выдумал историю о своем существовании в виде призрака, а иначе не смог бы объяснить, откуда знает, что случилось с его возлюбленным после смерти. Однако все

остальное, почерпнутая из книги правда.

— Цинчжоу, я провел с тобой всю ту жизнь, видел тебя любым, видел, что ты больше никогда не радовался. И в тот момент понял, какой сволочью был: чего лишил тебя, сколько страданий принес народу. Я раскаялся, Цинчжоу, я сгорал от стыда. Но после пробуждения понял, что все эти картины навеяны сном. И я все еще не погубил твою семью, не вынудил тебя пойти на восстание. Я захотел изменить наши отношения.

Молодой человек поджал губы и с толикой сомнения посмотрел на супруга, очень аккуратно озвучивая свой вопрос:

— Раз уж во сне ты умер от моей руки, то почему проснувшись, сразу же меня не убил?..

<http://bllate.org/book/14215/1253517>